

ДМИТРИЙ СТЕКЛОВ

ИЛЛЮЗИЯ КОНСТАНТЫ

Дмитрий Стеклов

Иллюзия константы

«Автор»

2026

Стеклов Д.

Иллюзия константы / Д. Стеклов — «Автор», 2026

Случайная находка — медальон — оборачивается для двенадцатилетнего мальчика Юры билетом в один конец. Пацан оказывается в Исподе, кривом отражении нашего мира, где мертвые города таят смерть, а хищники питаются человеческим рассудком. От неминуемой гибели его спасает сталкер, путешествующий между реальностями внутри защитного панциря с живым облаком внутри. Вместе им предстоит выжить в чужой экосистеме. «Иллюзия константы» — это жесткая история о том, что Вселенная куда сложнее, чем кажется, а самые страшные враги скрываются не среди монстров Изнанки, а среди обычных людей на Земле.

© Стеклов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интро	6
Глава 1. Кругом пыль	7
Глава 2. Подъём переворотом	17
Глава 3. О грибах и людях	20
Глава 4. Продолжение флэшбэка	29
Глава 5. Сам себе квартирьер	32
Глава 6. Выжившие в Исподе	37
Глава 7. Маленькая мерзость	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дмитрий Стеклов

Иллюзия константы

Моей самой большой ошибкой был страх совершать ошибки.

— Река Или?

— Но у вас же есть река Одер!

Интро

С этой стороны площадь просматривалась лучше всего. Здесь царила предвечерняя суета, моя позиция возвышалась над людским потоком. Он огибал *наблюдательный пункт*, не мешая обзору. Прохожие бросали взгляды на потёртый милицейский «стакан» (хм, ещё вчера его здесь не было) и тут же устремлялись дальше. «Подумаешь, вчера не было — теперь есть». Но меня интересовали не они, а некий конкретный объект, чётких представлений о котором я пока не имел. Всё, чем я располагал, — это характерный всплеск в эфире, пакет импульсов, захваченный моим пеленгатором. Сигнал не прервался через несколько минут после появления — как бывало прежде. Трансляция шла именно отсюда, она продолжалась необычайно долго. Я не мог упустить такого подарка судьбы.

Источник находился внутри здания с вывеской «Одежда», так показала аппаратура. Он постоянно перемещался. А теперь — направлялся к выходу...

Глава 1. Кругом пыль

Мальчик вышел из здания, на секунду задержался у стеклянной двери, огляделся. Ухоженный, чистенький подросток лет двенадцати, возможно, чуть меньше. Волосы каштановые, короткостриженные — если не считать модной удлинённой чёлки, почти закрывающей поллица. Её он время от времени отводил рукой и осматривался. На нём был серый костюм (по-моему, это называется «твид»): расстёгнутый кургузый пиджачок, под пиджаком — бежевая рубашка. Приличные, но порядком измятые шорты чуть выше колен. Блестящие пуговицы на краях штанин.

Вот он спустился по ступенькам, едва заметно вжимая голову в плечи.

Это был, несомненно, он — предмет моего интереса. Как я об этом догадался? Во-первых, подросток пристально вглядывался в людей. А во-вторых, сами люди смотрели словно бы сквозь него, будто они мальчика не видели. Не могли видеть? Не хотели? (хм, интересная аномалия). И, похоже, парень это осознавал.

Ну а в-третьих — он постоянно держал руку на груди, как будто перебирал что-то пальцами под рубашкой. Нетрудно было догадаться: интересующая меня вещица находилась именно там.

Подросток пересекал площадь. В тот момент, когда он добрался до её середины, я открыл дверь кабины и направился к магазину «Одежда». Мне надо было приблизиться к мальчику так, чтобы он не отреагировал раньше времени. Если испугается, если побежит — его уже не спасти (возможно, и меня тоже). В любом случае я потеряю добычу. Сейчас моей задачей было — припугнуть пацана, но *в меру* — не доводя ситуацию до критического уровня. Поэтому я выбрал направление под некоторым углом к его траектории. Я не смотрел на объект, а когда мой взгляд попадал на него, старался фокусироваться на зданиях, деревьях и прочих предметах за его спиной.

Я мог бы фокусироваться также и на людях, если бы они уже не исчезли к тому моменту. А это значило, что фаза «А» уже пройдена. Фаза «Б» была на подходе. Оставалось всего каких-то две-три минуты.

Проходя мимо мальчика, я вдруг резко повернул голову и посмотрел на него в упор. Этого было достаточно, чтобы он вздрогнул и замер.

«А... а...» — выдавил он, тараща на меня глаза.

Он явно был ошарашен — не просто удивлён. Избыточная реакция? Это меня слегка озадачило. Но я вспомнил, как люди реагировали на мальчика, сопоставил факты и кое-что быстро сообразил.

— Да, я вижу тебя, — произнёс я, стараясь звучать спокойно и расслабленно.

У меня на секунду возникло ощущение, что он готов сбежать. Поэтому я решил сразу начать разговор с самой сути:

— Посмотри вокруг. Странное что-то происходит, не находишь?

Он огляделся и застыл в недоумении.

— Куда они все подевались? — пролепетал он мгновение спустя.

— Долго объяснять, — ответил я ещё более ровным тоном, — но если хочешь жить, тебе бы лучше скрыться куда-нибудь.

— Куда?!

— Лично я уберусь в свою будку и закроюсь там. Потому что очень скоро здесь появятся... *другие*. А ты — как хочешь.

Я повернулся и зашагал к своему убежищу. Как я и предполагал, «*другие*» произвели на мальчика впечатление. Он сразу же бросился за мной, зашёл вперёд и пытался, пытаясь задавать мне слишком много вопросов. Речь его была сбивчивой, беспорядочной, и это начинало действовать мне на нервы.

Я остановился. Это стоило некоторого напряжения сил, потому что время катастрофически убывало. Надо было бежать. Желательно сломя голову. Но сейчас важнее было — выглядеть абсолютно спокойным. Испуганный ребёнок не сможет определить, откуда явится смертельная угроза. И помчится прямо в лапы хищника — прочь от спасителя, если тот суетится и смущает своим видом. В памяти вдруг возник оленёнок, которого мы в детстве испугали, пытаясь выручить. Он пропорол себе брюхо об забор.

Между тем до фазы «Б» оставались считанные секунды. Проявились знакомые признаки: на языке — стальной привкус; мушки в уголках глаз. И ещё этот, почти неразличимый шум в ушах: скрип и звон. И... нечто похожее на хруст французской булки. Специфический такой хруст. Аккуратный, как визитная карточка. Или мне только так казалось, и я опережал события? Как же медленно двигается этот мелкий шкет! Но эмоции проявлять сейчас нельзя. Именно сейчас. Спокойствие. Только спокойствие.

— Ныряй! Быстрее! — сказал я... очень спокойно сказал я, открывая дверь и вталкивая пацана внутрь.

Да уж, малой. Ты здесь надолго. Очень надолго.

Мальчишка заскочил внутрь так резво, что я понял: ему действительно страшно. *Траверс* (он же переброс, он же трансфер) иногда действует на психику и заставляет неосознанно поджаться. Теперь в воздухе проявилось гудение, на самой грани слухового порога, и вдруг... струна оборвалась. Тишина. Второй этап перехода завершился.

Я неспешно (хотя меня так и подмывало ускориться) закрыл дверь, повернул ручку замка. Лязгнул металл. Я поморщился — давно пора промазать маслом петли, да всё руки не доходят.

— Здесь они нас не достанут, — произнёс я. На этот раз действительно спокойно. В надёжности своего убежища я был уверен.

— Кто?! Кого «они»?

— Сейчас сам увидишь. Все вопросы — потом. Сразу предупреждаю, сюда они не забесятся ни при каких обстоятельствах. Прочность этого укрытия максимальна.

— Простая будка!

— Это не будка. Можешь мне поверить, — ответил я, оглядывая интерьер.

Изнутри это всё выглядело именно как простая будка (впрочем, как и снаружи). Примитивное сооружение двух с половиной метров в диаметре. Стул с клеёночатою обивкой. Простоватый стол с остатками моего завтрака, чайник на электроплите. Под ним — шкафчик-тумбочка. Справа — свёрнутый тюфяк, слева — вместительный рундук. Позади — чемодан с металлическими углами. В общем-то и всё.

По периметру — четыре окна на все стороны. На одном из них — цветок в пластмассовом горшке (привет Штирлицу). В стене — кран с раковиной. Оттуда раздражающе-назойливо капала вода (на чердаке я недавно установил бак на сто пятьдесят литров).

— В окно смотри, не бойся, — сказал я, — оттуда ничего не увидят.

— Это стекло с односторонней видимостью?

— Соображаешь, — одобрительно ответил я. И тут же увидел, что мальчик слегка улыбнулся — совсем немного, краем губ. Беспомощная такая, трогательная улыбка... Э нет! Сантименты — это последнее, что мне нужно было в данной ситуации.

— А-а-а, вот и первый персонаж, — сказал я. Малец резво повернулся в ту сторону, куда был направлен мой взгляд. — Но на этого не надо смотреть вообще. Даже отсюда.

— Кто это?

— Ну, если тебе так интересно, то в моём каталоге он прописан как *ЧСДГ*, «человек с добрыми глазами». Тебе, парень, повезло, этот один из самых лютых.

По безлюдной площади медленной походкой, не лишённой изящества, шагал приличный гражданин, одетый в строгий коричневый костюм. Он был в шляпе. Не доставало только трости.

— Отведи глаза, говорю!

— Он нас видит?

— Не видит, но достать может.

— Как достать?

— Психически.

— Он, что ли, гипнотизёр?

— Не гипнотизёр. *Гипнофор* — подходящее слово.

— А что он делает?

— Развлекается время от времени.

— Как развлекается?

— По-разному. Может, например, заставить тебя сожрать твою собственную руку. И ты это сделаешь, будь уверен, да ещё и с великой радостью.

— Я что, дурак? Не буду я...

— Ты не дурак. Но если он тебя зацепит, то станешь делать всё, что он прикажет. Кстати, как тебя зовут? А то мы даже не познакомились. И смотри на меня, когда мы разговариваем. А то как-то невежливо.

— Юра.

— Я Егор. Ну так вот, Юра, объясняю. Глаза — это единственное, что можно в нём назвать «добрым». Но этими своими глазами он тебя и уделает. Гипнозом я бы это не назвал. С твоей стороны это будет — преданность и любовь. Ты не «с крыши в крапиву», ты с двадцатиэтажного дома на асфальт прыгнешь — для этого дяди. И ты, даже летя вниз, будешь обожать его, кричать его имя (имя по дороге сам придумаешь). Но только нет у него никакого имени.

Юра замолчал, обдумывая мои слова.

Тем временем человек в коричневом костюме остановился как раз на том месте, где я встретился с мальчиком. Замерев, он будто приняхивался.

— Он чует меня? — спросил Юра дрожащим голосом.

— Там — да. Здесь — нет. Ты оставил свой запах. Дорожку из феромонов. Сейчас он по ней и пойдёт.

Человек двинулся по следу, остановился около двери. В маленьком смотровом окошке маячила только верхушка шляпы.

— Юра, сядь пока сюда, — сказал я, укладывая чемодан плашмя на пол.

Мальчик уселся на него и закрыл лицо руками, опираясь на стол. Его заметно трясло.

— Я видел его глаза, — прошептал он.

— «Их трудно забыть!» — пропел я, вспомнив группу «Телевизор». — Когда успел, говори!

— Когда он шёл сюда. Он меня тоже увидел!

— Не увидел, не выдумывай.

Однако ситуация была нехорошей. И дело даже не в том, что мальчик получил некоторую *химическую* дозу «преданной любви» (защита работала против таких воздействий). Но у человека оставалось зрение. Оптические рецепторы ловили и передавали в мозг паразитную информацию, которую порождали мелкие движения хищника, мимика «лица», жесты, ужимки. Они запускали скрытые механизмы психики и заставляли её вибрировать в резонанс с гипнофором. Но гораздо хуже то, что теперь ЧСДГ зацепился за пацана своей невидимой нитью, и оборвать её будет затруднительно. Тварь ощутила встречный поток вибрации, а кроме того, запах! Запах жертвы. Теперь Юра у него в картотеке, и изъять эту запись уже невозможно.

Но будем надеяться на лучшее. Какой ещё может быть выход в подобной ситуации?

Внезапно мальчик соскочил с чемодана, уселся мне на колени и обнял меня за шею. Рваным, импульсивным движением.

— Началось? — спросил я его. — Чувствуешь?

Он молчал.

— То самое, о чём я тебе говорил.

Молчание. Я ощущал, как сердце мальчика отчётливо стучит под рубашкой.

— Да. Я понял, — вдруг ответил он.

— Видишь его глаза, думаешь о нём?

— Да, — чуть ли не с отвращением ответил мальчик.

— А в меня почему вцепился?

— Да откуда я знаю! — выпалил он.

— Ладно, брат, извини, — сказал я, — всё нормально. Он достал тебя — но совсем немного. Пострадаешь пару часов от неразделённой любви, и всё пройдёт.

Мальчик посмотрел на меня. Взгляд его слегка плыл. Как у боксёра после нокдауна. Неожиданно он улыбнулся и чмокнул меня в щёку. Я поморщился.

— Забей, я в порядке, — сказал он, спрыгивая на пол. Повернулся к двери и показал средний палец шляпе, которая маячила в окошке.

Подлая тварь зашевелилась, задёргалась. Подняла руку выше головы. Плоская ладонь в лайковой перчатке прижалась к бронированному стеклу, едва заметно подрагивая.

Я посмотрел на мальчика. Он будто застыл. Его челюсть отвисла.

— Кажется, самое время убираться отсюда, — пробормотал я и отвесил пацану подзатыльник, тут же поймав его протрезвевший и озадаченный взгляд. — Полетели?

— Эээ, в смысле, полетели? Куда?

— Ты не спрашиваешь «как»?

— Как?

— Знаешь, что это такое? Ты сказал, что это "будка"?

— А что это?

— Самый настоящий «пепелац с гравицапой». Это не милицейский «стакан». Это транспортное средство.

Я нашупал под столом кнопку, и столешница разъехалась в стороны, обнажая свою скрытую сущность: пульт с двумя рукоятками управления.

Хорошо было бы, улетаая, прожарить то существо, что кругами ходило вокруг моего «стакана». Но местные хищники порой обладают звериным чутьём. Как только «пепелац» начал разогреваться (на это после «А»- и «Б»-перехода требовалось некоторое время), коричневый чудик припустил вскачь и очень скоро скрылся за углом ближайшего здания. Эти постройки, кстати, уже давно успели потерять свои земные очертания, что и должно было произойти после второй фазы. Теперь это были серые одинаковые призматические глыбы: минимум излишеств, максимум функциональности. Прёмы входов, то зияющие пустотой, то прикрытые ржавым подобием дверей — и редкие глазницы окон.

Мой кораблик оторвался от земли и поднялся на тридцать пять метров. Юра вцепился руками в чемодан, но держался вполне достойно.

— Двинулись, — сказал я.

И мы двинулись.

«Земля, прощай! В добрый путь!»

Когда я снова надвинул столешницу, а «пепелац» уже лёг на траекторию, я повернулся к мальчику и постарался тепло улыбнуться. От такой душевной мимики я почти отвык, она давалась мне с некоторым трудом.

— Теперь я тебе объясню, что происходит. Постараюсь, чтобы дошло с первого раза. Ты понял?

Он кивнул.

— То, что у тебя висит под рубашкой... Кстати, давай положим эту штуку сюда.

Я открыл тумбу под столом и достал оттуда освинцованную коробку с крышкой. Раскрыл её и протянул Юре.

Когда он расстегнул пуговицы, я наконец увидел ту самую вещицу, на поиски которой потратил несколько лет своей жизни.

На худой мальчишеской груди висел медальон. Плоская семиконечная звезда мутно-лилового цвета. Такому экспонату не найдётся места в коллекции даже самого мелкого фалериста-любителя. Ни блеска, ни лаковых переливов.

И одновременно — самая опасная штука, которую я когда-либо видел. Не сама побрякушка — опасность таилась внутри, под латунной оболочкой.

Мальчик снял с шеи игрушку. А я перехватил его руку и положил медальон в мою шкатулку (аверсом вниз — непременно вниз), которую тотчас же и захлопнул.

— Теперь рассказывай, — попросил мальчик.

Я молчал. Требовалось выдержать некоторую паузу.

А теперь пора травить байку. И чем более замысловатой она будет, тем лучше:

— Представь себе, что ты отколол от большой глыбы льда маленький кусок. И кинул его в горячую воду. Что будет?

— Растает.

— А вода?

— Охладится.

— Правильно. Но кусок льда теперь сам превратится в воду. Так?

— Так.

— Смешается с водой, и теперь никак его из этой воды обратно в лёд не превратить — так, чтобы это был тот же самый кусок. Ты понял?

— При чём здесь лёд?

— Теперь ты — как этот кусок льда. Вот эта штука на цепочке — где ты её раздобыл, ты мне расскажешь позже — как раз и отколола тебя от большой глыбы и бросила сюда — в воду.

Он смотрел на меня в полной растерянности, такое обилие метафор его сбило с толку. Меня это совершенно устраивало. Откровенно говоря, я лепил чушь: создавал бессмысленный информационный поток. Моя цель — не пояснить ему, что происходит, а забить медийные каналы словесным мусором. Не хватало мне, чтобы он тут умом тронулся.

— Это я «образно говоря», — сказал я ему под конец, добавляя тумана, — чтобы ты не впал в истерику раньше времени.

Туман — не туман, но парень внезапно осознал скрытый смысл ситуации:

— Я теперь... не смогу вернуться домой. — Это был не вопрос. Это была догадка, утверждение. В глазах мальчика стояли слёзы.

— Хм... А это мы ещё поглядим.

Он посмотрел на меня с такой надеждой, что у меня перехватило дыхание. Совсем чуть-чуть перехватило, но всё-таки.

— Теперь нарисую другую картинку, — продолжал я уже серьёзнее, — представь, что наш мир плоский, и ты живёшь... жил в этой плоскости. Но выше неё находится другая плоскость, очень близко, но не достать. — Я показал две ладони — одну над другой. — Скажу тебе даже больше — это не плоскость, а такая кривая поверхность. Но это неважно. Главное, что наша поверхность с ней не пересекается. И вдруг ты находишь лифт, который постепенно поднимает тебя туда, на новый уровень. Вот этот самый «лифт» (кивнул в сторону шкатулки). Сначала ты вдруг с радостным удивлением обнаруживаешь, что люди тебя не видят, и ты можешь вытворять всякие штуки... Кстати, что ты делал в том магазине? Ну, в том, около которого я тебя встретил.

— Смотрел в раздевалки, — он опустил глаза и покраснел.

— В примерочные кабины?

— Да.

— Прибарахлился там же? Такой костюмчик — вещь недешёвая.

— Нет, это мой — из дома.

— И вот пока ты пялился на раздетых тёток, в это время лифт переносил тебя на другой этаж — тихо-тихо. Но неотвратно. Когда исчезли люди — ты пересекал перекрытия между этажами. Это называется фаза «А». Здесь мы теряем связь с прежним миром, но ещё видим его неживую часть. Всю недвижимость: дома, улицы. Деревья — хотя это живые объекты, мы тоже видим — но уже смутно. Они расплываются. Будто сжимается время. Людей и животных мы не видим совсем. Они растекаются по времени абсолютно.

— А теперь, что ли, фаза «Б»? — догадался мальчик.

— Именно так. Фаза «Б». Приезжаем на этаж выше. Здесь нас встречают другие жильцы, аборигены. Свой мир они знают вдоль и поперёк. Не наше дело критиковать их порядок жизни — чем они питаются, например. Но так уж получается, что ты для них даже не пища — всего лишь приправа к обеду. Или к ужину — что у них там по расписанию в четыре часа вечера?

— Они хотят меня съесть?

— Нет же, объясняю тебе. Ты, скорее, что-то наподобие специй. Или даже вроде какой-нибудь сладкой музыки в ресторане. Ну, как-то так. Только в нашем ресторане посетители не убивают музыканта, а эти убивают. Да ещё и самым неопрятным способом.

— А едят-то они что?

— На этот счёт я — пас. Тут тебе надо других людей поспрашивать. Знаю только, что физиологическая потребность местных тварей — это влезать тебе в голову. В каждом мире свои правила, знаешь ли. У меня нет времени разбираться в их мотивах. Моё дело — вытащить тебя отсюда. Тебя и таких, как ты, неудачников.

— А кого ещё? Тут ещё кто-то есть? — он посмотрел на меня в изумлении.

— Да, Юра, представь — не один ты такой везучий. Я тебя ещё познакомлю.

Наш летучий корабль замедлил ход и начал снижаться.

— Прилетели, — сказал я, заметив, что мальчик вертит головой, вглядываясь в каждое окно по очереди.

— Неудобно, — отозвался он, — не видно низа.

— Сейчас будет видно, — ответил я, отодвигая стул и поднимая с пола кусок линолеума. В самом центре был прозрачный круглый люк, с утопленной в прорези задвижкой.

— Он из стекла?

— Текстолит, — ответил я, стукнув пяткой, — по прочности не уступает металлу. У нас на родине он белый, а тут — прозрачный. И крепкий, как сталь. А насчёт моего транспорта... Он у меня новый — три недели всего. Я даже обустроить его не успел. Сюда бы хорошо диванчик ещё поставить. А то иногда охота вытянуть ноги — и приходится раскатывать тюфяк по полу. Ну всё, мы прилетели.

Юра, раскрыв рот, смотрел, как снизу к нашему аппарату подплывает серая площадка с таким же круглым прозрачным люком посередине.

Аппарат слегка покачнулся (стыковка завершена) и застыл, как монумент. Я вытащил задвижку, поднял первый люк. Второй, закрывающий окно на крыше, дёрнулся и тоже опустился. Под нами оказалась металлическая вертикальная лестница, на которую я ступил первым.

— Тут безопасно, но лучше проверить. Не хотелось бы сюрпризов.

Юра молча кивнул. Я понял, что теперь мой «стакан» ему казался самым надёжным местом в мире. Впрочем, так оно и было.

Быстро осмотрев все помещения дома, я вернулся и помог мальчику. Точнее, лишь немного подстраховал его. Спустился он довольно ловко: с третьей ступеньки просто спрыгнул на пол.

— На незнакомую поверхность лучше ступать осторожно — какой бы надёжной она ни казалась. Шутки кончились, Юра.

— Ладно.

— Теперь я тебе покажу дом. Тут тебе и безопасность, и комфорт какой-никакой.

— Сколько тут этажей?

— Так-то два, но первый этаж я не занимаю, там только гараж с вездеходом. Никакого сообщения между этажами нет. Чтобы сесть в вездеход, нужно выкатить его дистанционно — по радио, отогнать подальше от дома, а потом сделать то же самое, что мы сделали сейчас: посадку и стыковку. Потом аппарат на автопилоте возвращается на крышу, а мы путешествуем уже на колёсах.

— Кто это «мы»?

— Ну, раньше были «мы», теперь только я. Когда придёт время, узнаешь больше.

— А почему ты просто не спустишься в гараж по лестнице?

— Я же тебе говорю — никакой лестницы нет. Никакой дыры между этажами — даже самой маленькой. Именно поэтому тут безопасно. Единственный вход — на крыше. Люк прочный — не пробить.

Мы стояли посередине прямого коридора, в который выходило двенадцать дверей: по шесть с каждой стороны.

— Гостиная, она же столовая; библиотека, она же мой рабочий кабинет; кухня, три гостевые комнаты на пять человек — но можно при желании разместить и десяток, — я показывал мальчику двери в первой половине дома. Затем мы повернулись в другую сторону.

— Ванная — она же туалетная комната, мои апартаменты, кладовая (очень вместительная, запасы полагается держать на случай длительной осады), аппаратная (тут бойлер и всё жизнеобеспечение дома), оружейная...

— Оружейная?

— Ну конечно, оружейная. Надо же где-то хранить оружие. Но здесь же и техническое помещение: инструменты, особо ценные приборы. Эта дверь самая надёжная — как у банковского сейфа. Слушай, тебе ведь надо привести себя в порядок. Иди в ванную, вымойся как следует. Я тебе пока одежду подберу: твой костюмчик не очень подходит к местным условиям.

— А что, у тебя любая одежда есть?

— Ну, не любая, но кое-чем обзавёлся. С переброской *вещей* проблем нет. В смысле, с переброской неживых предметов туда-сюда.

— А с переброской живых?

— Слушай, давай про живых потом как-нибудь. Иди, уже мойся. Запашок от тебя, знаешь ли...

Я открыл ему дверь, и он зашёл. Судя по его виду, мысли у него в голове были не слишком весёлые.

В кладовой я выбрал мальчику костюм, более подходящий для местных условий, а потом отправился на кухню и приготовил ужин. Нам требовалось восстановить силы. Юра плескался в ванне и вроде бы даже что-то напевал или бурчал себе под нос. Дверь в ванную оставалась слегка приоткрытой — я думал, что его напрягала перспектива остаться одному в запёртом помещении. Наконец раздалось шлёпанье босых ног, и он зашёл в кухню, завёрнутый в огромное банное полотенце; его углом Юра продолжал вытирать голову.

— Пойдём, я тебе одежду дам, — сказал я, — одежда свежая, неношенная.

— С нашей... Земли?

— Да, с нашей, родной стороны. Откуда ж ещё? Если бы ты видел одежду, которую делают местные жители! Я имею в виду людей, конечно. Так вот эту одежду даже я бы носить не стал. Тихий ужас.

— Так тот же, который там, на площади, он был одет. В костюм. Такой — коричневый.

— Друг! Ты ещё не понял? Это маскировка. Нет никакого костюма. Он принимает привлекательный вид — для таких, как ты. Нас, людей, эти ксеноморфы приспособились ловить на раз-два. Вот только по уровню развития они находятся чуть выше обезьяны. Ну, посуди сам, разве цивилизованный человек может кайфовать от того, что кто-то по его приказу такое с собой вытворяет?

— Только маньяк какой-нибудь.

— Вот именно. А ЧСДГ — это обычный представитель одного из местных подвидов. И его «приличный костюм» — это всего лишь оболочка. Он может её менять, подстраиваясь под объект атаки. Сворачивать, разворачивать, цвет подбирать. Очень продвинутый хамелеон.

— А что за люди тут живут?

— Ситуация не совсем понятная. Похоже на то, что люди с Земли стали перемещаться сюда много лет назад, и кто-то из них смог выжить. Заметь, здесь не так много реальных хищников — в нашем понимании. Я про настоящих животных. Тех, которые кусаются, царапаются, грызут — и всё такое прочее. То есть они, конечно, тоже есть. Но какие-то неопасные. А вот эти, «гипнотизёры»... Тут дело совсем другое.

— Это правда, как гипноз?

— Нет. При гипнозе ты получаешь приказ и выполняешь его, но внутренне, подсознательно ты можешь протестовать. Ты действуешь как автомат под контролем чужой программы. А здесь ты внутренне страстно желаешь совершить что-нибудь чудовищное — с тобой самим. Я же тебе говорил. ЧСДГ вызывает у тебя такой экстаз, что ты можешь сотворить что угодно — и при этом будешь на вершине счастья. И это будет самое настоящее, чистое и светлое блаженство. Жертвуешь собой «во имя любви».

— Ты правду сказал, что я могу съесть себя?

— Ага, прямо с косточками: ничего не останется. Ладно, не тупи, это невозможно. Но попытаться можешь. Видел я такой «фокус». Человек вцепился себе в руку и почти отгрыз её — а при этом смотрел, смотрел на того уродца, не отрывая глаз. А ведь это нелегко — человеческими зубами рвать сырое мясо.

— Съел свою руку? — с ужасом спросил Юра.

— Не успел. Истёк кровью и потерял сознание. У нас нет защиты от таких вот хищников, когда они на воле. Любой из нас, приближаясь к нему, может стать жертвой. Захват твоего внимания происходит мгновенно. Единственная защита — большая дистанция, ну и моя летающая будка, конечно.

— Вот та железная тумба?

— Давай так — ты всё-таки оденешься. Потом поужинаем, чем бог послал. А потом уже я тебе объясню всё, что смогу.

Глава 2. Подъём переворотом

Мы обосновались в кабинете на диванчике. На тот случай, если придётся что-нибудь срочно записать, я взял планшет. Юра сидел рядом и молчал. Всего пару часов назад его жизнь переломилась, и никто не мог предугадать, чем это всё закончится. И даже сказать, вернётся он домой или нет.

Он переделался в новые штаны — светло-серого цвета, широкие и лёгкие. И свободную рубашку. Настолько свободную, что она казалась на пару размеров больше, чем надо.

Я спросил его:

— Не устал? Может, завтра поговорим?

Он замотал головой и ответил:

— Давай сейчас. А то я не усну.

— Уснёшь как убитый. Но ты прав, надо прояснить ситуацию хотя бы в общих чертах. И давай так: я тебе рассказываю о том, что будет интересно тебе, а потом — ты мне.

— А что тебе может быть интересно? — удивился он.

— Ты забыл про ту вещицу, которая лежит там наверху, в тумбочке под столом? Надо бы, кстати, перенести её в лабораторию и хорошо покопаться внутри. Там должно быть много сюрпризов.

— Не уходи! — он схватил меня за руку.

— Надо, надо, — возразил я. — Представляешь, что будет со мной, если завтра обнаружится, что твой медальон исчез. Это же какой поворот сюжета! А главное, я буду себя ругать последними словами. Ну что — пойдёшь со мной или здесь будешь сидеть?

Было видно, как ему не хочется оставаться одному даже на такое короткое время. Но и усталость брала своё. Он замер в нерешительности. Я махнул рукой:

— Сиди здесь, только не вздумай заснуть! Я обернусь меньше чем за минуту.

Шкатулка оказалась на месте, и латунная гадость по-прежнему лежала в ней. Опасная вещь, нехорошая. «Обращаться с особой осторожностью», как пишут на плакатах. Я поторопился вернуться в кабинет — и вовремя. Мальчишка уже уютно устроился, обнаружив маленькую подушечку и плед, которые я всегда хранил в углу за шкафом. Иногда так утомлялся во время работы, что даже не было сил добраться до своей спальни. Я укладывался на этот самый диванчик и позволял себе пару часов сна. Теперь моё ложе было занято.

Бесцеремонно растолкав спящего, я усадил его, чтобы он не вздумал снова отрубиться — по крайней мере, пока мы не проясним главного.

— Итак, мой первый вопрос — самый важный. Даже три вопроса. Сколько времени ты пользовался этой штукой? Как ты заставлял её делать тебя невидимкой? Какие ощущения при этом испытывал? Потом я честно расскажу тебе что-нибудь от себя, а после — опять задам пару вопросов. Понял?

— Угу.

— Повторяю: сколько времени она у тебя?

— Где-то два дня.

— Точнее скажи.

— Сегодня суббота?

— Да.

— С ночи четверга.

— С ночи между четвергом и пятницей?

— Да.

— Как ты понял, что она делает тебя невидимым?

— Я повернул её, чтобы посмотреть обратную сторону, и...

Я так сильно прижал его руку к дивану, что он ойкнул. Теперь всё стало яснее ясного.

— Бинго! — сказал я.

— Что? Какое «бинго»?

— Понимаешь, все что-то переворачивали. Все, кто попал сюда. Кто-то обложку книги перевернул. Кто-то найденный кошелёк. Бригада строителей переворачивала огромную бетонную плиту... Но никому не придёт в голову перевернуть вещь, надев её на себя. Я так понимаю, только поэтому ты смог протащить её сюда. Может, ещё кому-то это удалось — только я об этом не знаю.

Судя по виду моего слушателя, он мало что понимал из моего объяснения.

— Все перемещались сюда сразу — в один момент. А у тебя траверс растянулся на два дня. Хотя, конечно, последняя фаза уложилась в три-четыре минуты.

— А почему?

— Могу только предполагать. Скорее всего, эта вещица старалась отправить тебя так, чтобы самой остаться ТАМ. А в этот раз у неё не получилось. И поэтому ей пришлось подстраиваться под новый режим. Изменять программу действий, путаться. Ну а далее всё пошло в обычном темпе. Но за это время ты успел много чего подсмотреть в кабинках для переодевания, если я не ошибаюсь.

Зря я это сказал. Мальчик скривился, будто вот-вот расплачется. Я решил сменить тему:

— Можешь вспомнить, как это происходило? Последовательно. С того момента, как ты её нашёл, и до самого конца.

И мальчик рассказал.

Вечером отцу принесли коробочку (заказ из службы доставки). Он оставил её на столе, а сам вышел куда-то. Юра — человек любопытный — вытащил кулончик и надел цепочку себе на шею. Повертел её в руках и почувствовал кое-что странное и неприятное. Цепочка натянулась, затем резко ослабла. А когда отец вернулся, то оказалось, что сына он будто не видит: на голос отвечает, но реагирует лишь «на автомате». Юра коснулся папы рукой, тот лениво отмахнулся — будто от назойливой мухи.

Отец не в духе, такое с ним иногда случалось — вот что подумал сынок. И отправился спать, потому что была уже ночь. А утром его не разбудили. Он встал, оделся, в школу не пошёл. Раз уж всё равно опоздал, решил погулять. Когда вернулся, на него накатила такая сонливость, что он рухнул на кровать и проснулся только в полдень субботы.

— Какие у тебя были ощущения? Вообще хоть что-то чувствовал?

Он чувствовал, конечно. Слабый электрический ток пробегал по телу, и наступало возбуждение, как перед прыжком в бассейн с вышки. Подобные ощущения испытывали все, кто был подвергнут трансферу. Только обычные жертвы впадали в болезненный экстаз от силы на несколько минут, а у мальчика он растянулся на два долгих дня. Разумеется, первой мыслью его было воспользоваться новым даром в запретных целях. Само влияние медальона способствовало такому подсознательному выбору. Даже когда он мне всё это рассказывал, испытанные им чувства оживали в памяти. Лицо его краснело, дыхание учащалось, руки беспокойно двигались. Будто ему снова хотелось дать кому-то пощёчину. Кинуть камень в стекло, отвесить солидному прохожему смачного пинка...

— Стоп! — сказал я. — Теперь моя очередь. Спрашивай, что тебе интересно.

Он задумался. Но ненадолго.

— Расскажи про эту большую штуку... которая летает.

— Хорошо, слушай про аппарат, — согласился я. — Конкретно эта железная будка у меня недавно, до неё были ещё пять — разного размера и формы. Но на самом деле то, что ты видел, — жестяная декорация. Самой сути ты не постигаешь.

— А что там?

Что там? А легко ли объяснить, если я сам толком не понимаю, что там...

Глава 3. О грибах и людях

Моя неожиданная находка... Впрочем, можно ли назвать находкой трёхметровое «нечто», не имеющее ни тела, ни человеческого наименования?

Иноземный гость, пришелец из другого измерения, аномальная флуктуация силового поля?

Мы встретились в сосновом бору под Невьянском, в самый грибной сезон. Я, скажу вам, большой охотник побродить по лесу, просто так, безо всякой цели. Лес — это особая среда, со своей атмосферой, способная заманить так далеко, как только возможно. Сказки о том, как чаща завлекает бестолковых детей и уводит их «в никуда» — не такая уж и фантастика. Но не об этом сейчас речь.

В одной из таких прогулок выхожу я, стало быть, из чащи на открытый простор — широкий луг, переходящий в просеку. И в нос мне ударяет умопомрачительный запах полыни и багульника. Цветы ковром устилают широченную поляну, пересечённую высоковольтной линией. Мерный гул проводов. Явные признаки статического электричества в воздухе. У меня появилось ощущение, что волосы мои поднимаются и даже начинают искриться.

Солнце прогревает траву, эфирный запах кружит голову. Странное колыхание перед глазами. Или мне мерещится, или что-то впрямь маячит в сухом и жарком лесном воздухе. И я на полном ходу, не успев затормозить, влетаю в это марево по самую макушку. Лёгкий ветер дёрнулся и затих. И не отложилось это событие в моей памяти совершенно. Поляна — да, буйное разнотравье — тоже. Но вот этот конкретный факт — как пересёкся я впервые с непонятной бесформенной сущностью в виде туманного облачка — в тот раз вылетел из головы напрочь. Только непонятная муть в сознании. Домой я вернулся будто на автопилоте. «Сходил за грибочками». Если вам интересно, это выражение в нашей местности бытовало по совершенно иному поводу: шныряли иногда по окрестным зарослям так называемые «грибоеды», молодые люди со специфическими интересами. Грибные наркоманы, проще говоря. Только я — в отличие от них — поймал глюк безо всякого псилоцибина.

И с той поры началось что-то непонятное. Маревы, то самое, с которым я столкнулся на поляне, потащилось за мной. Не как щенок на привязи. Оно всего лишь стало появляться на моём пути. Нерегулярно, время от времени, но конца этому не было. Встречи не происходили в поездах, автобусах или тесных замкнутых помещениях вроде лестничных переходов или жилых комнат. Только на открытых пространствах: площадь в городе (если только она достаточно обширна), берег озера, речная долина — там, где не было посторонних свидетелей. Даже я едва догадывался, что *оно* рядом. Слабый свет, мерцающий в воздухе. И тягучий писклявый звук на пределе слышимости. Будто комар пищит — да и то не в этой комнате, а в соседней. Что это было? Попытки воспроизвести гудение высоковольтной линии, ту ноту, под аккомпанемент которой мы впервые встретились? Да и что пришелец в тот раз делал рядом с ЛЭП? Подпитывался энергией? А может быть, электричество тут ни при чём? Может, его привлёк цветущий багульник, а провода просто случайно оказались рядом? На эти вопросы у меня не было ответов.

Время от времени я делал попытки пообщаться с *этим* молчуном. Доскрестись, достучаться до его сознания, если таковое было. Словами, жестами пробить тугую тишину. Да так и не пробил. Показывал ему картинки. Стыдно сказать, даже песни пел, симфонии всякие включал — вдруг он к музыке неравнодушен. Когда всё это надоело, обзавёлся электронной аппаратурой. Откуда я взял её? Да попросту подговорил одного приятеля, бывшего однокурсника, «списать» (проще говоря, стащить) десяток приборов из его лаборатории. Он же, собственно, и помог мне их наладить. Вот только не стал я ему рассказывать, зачем мне всё это надо. Однако пригласил его на лето в Невьянск: «Приезжай, Олег. Тут дача, озеро, рыбалка. Леса, просторы

— всё, как ты любишь». Рисковал я, конечно. Одна надежда была — парень-то близорукий и вряд ли обратит внимание на некое сгущение в воздухе, которое с занудной настойчивостью является в мой двор.

Посреди жилого района, застроенного серыми хрущёвками, как раз между поселковой котельной и продуктовым магазином доживала свои годы крепко сбитая двухэтажная усадьба-восьмистенок. Старый дом, выстроенный ещё в девятнадцатом веке (принадлежавший в начале века двадцатого главному инженеру местного завода), после революции переходил из рук в руки, пока, наконец, его — уже основательно изъеденного временем и почерневшего от сырости — не выкупили родственники моей тётки. Она, будучи женщиной отзывчивой и душевной, взяла на себя обязанности сторожа и смотрителя, в то время как владельцы пытались сбыть этот «чемодан без ручки» за умеренную плату хоть кому-нибудь. Но дом был слишком просторен для комфортного проживания, покупатели не спешили приобретать обременительную недвижимость. Сама тётя заняла две комнаты в полуподвале — с окнами на уровне мостовой. Ну а я поселился в одной из трёх комнат на втором этаже. Здание было надёжно прикрыто слева и справа двухметровым забором, а сзади — стеной городской кочегарки. Лучшего места для секретного исследовательского центра и пожелать было нельзя.

Сарайчик, прилипший к дому со стороны задней стены, оказался достаточно удобным для лаборатории. Хотел я захватить ещё и погреб, переоборудовав его в мастерскую, но на это тётя категорически не согласилась. Там у неё хранились соленья-варенья и прочие огурцы. А вот сарайчик ей был совершенно не нужен. Шкафы, жестяные корпуса приборов, провода и переходники заполнили всё внутреннее пространство хозяйственного помещения. И только ржавая двустворчатая дверь отделяла всю эту лавочку от *внешнего мира*. Стоило раскрыть её нараспашку, и... вот он, красавец — у поверхности земли едва различимый — слегка покачивается, мой скромный призрачный дружок. При посторонних он предпочитал не проявлять себя, почти полностью растворяясь в воздухе, и с Олегом они так и не встретились до конца летнего сезона (к моему безусловному облегчению). Впрочем, однажды тот мне пожаловался, что от солнечных лучей у него появляются «пространственные глюки». Но я объяснил это тем,

что всё от повышения давления — разновидность пресловутых «глазных мушек». На этом парень и успокоился.

Стоило ему уехать восвояси, как я с головой окунулся в экспериментальную физику.

Сначала я дал облаку имя. Мне было неловко общаться с существом, которое, как я считал, обладает если не подобием разума, то хотя бы повадками биологического организма. В классификации таковых я почему-то отвёл ему место гриба, обладающего некоторыми животными инстинктами. Я решил окрестить его Клаусом. Это было похоже на слово *Cloud*. Ведь он и был неким облаком, сгустком тумана, только состоящего не из микроскопических капелек воды, а из бог знает чего.

Клаус стоически воспринимал издевательства с моей стороны. Что я только с ним не делал! Шпынял его акустикой, ультразвуком. Перешёл к электромагнитному излучению — варьировал диапазон частот, использовал фазовую и амплитудную модуляцию. В ответ у объекта менялся пульс, едва различимый цвет из розового становился бежевым, тон приглушённого звучания переходил с «*Фа*» на «*Соль*».

Его очертания искажались: то это был идеальный прорисованный кокосовый орех внушительных размеров, то — некое подобие свёрнутого в рулон гигантского спальника. Но я не сдавался, и моя настойчивость просто обязана была принести плоды. И однажды момент прорыва наступил.

Насколько я помню, то была последняя суббота августа. Накануне я отложил в сторону генератор метрового диапазона. С ним я добился лишь того, что мой бледный друг начал медленно крутиться вокруг своей оси, одновременно превращаясь в огромный патиссон. В тот раз я в дополнение включил «*Sweet Dreams*» в исполнении *Eurythmics*, и Клаус мне устроил настоящий «диджей-сет» — с танцами и светомузыкой. Позже я время от времени возобновлял эти дискотеки, похоже, они ему нравились. Он выражал свой восторг тем способом, который был ему доступен: крутился и сиял бледным светом. Но — положила руку на сердце — всё это было несерьёзно.

Две мои старые микроволновки были безжалостно раскурочены, мне нужны были магнетроны. В народе это именуется «методом проб и ошибок». Я принялся угощать приятеля порцией дециметрового излучения слабой интенсивности... Затем стал эту интенсивность поднимать...

Я ещё не осознал, что происходит, а моя рука рефлекторно нажала на «стоп». И лишь секунду спустя до моего сознания дошло, что нас обоих куда-то понесло, мы *уплывали*. Не вверх, не вниз, не в сторону. Или, наоборот, мы стояли на месте, в то время как мир выворачивался наизнанку.

Холодный пот на лбу, за грудиной — отбойный молоток вместо сердца. Мне надо было прийти в себя и расслабиться. Я устроил себе большой отдых, и лишь через двое суток продолжил эксперимент — но на этот раз очень медленно и крайне деликатно.

Мы снова прошли через весь спектр волн. И я понял вдруг, что теперь всё немного по-другому. Мой приятель был привязан к генератору излучений неким невидимым поводком. Теперь у меня появилась возможность водить это существо за собой, удерживать его на определённом месте, если оставить там источник ЭМИ. Так я изобрёл «*узду*» и «*коновязь*».

Вскоре у меня возникла идея заказать «одежду» для Клауса. Перебирая варианты, я остановился на металлическом кожухе в виде усечённой восьмигранной пирамиды: некое подобие перевёрнутого гранёного стакана (позже я сменил эту угловатую броню на обрезанный сверху конус). Мне нужно было лишь водрузить конструкцию на прочную и тяжёлую металлическую платформу. Вскоре подходящее изделие нашлось: крышка от какой-то гигантской цистерны, а может быть, и ракетной шахты. В её центре, правда, зияла прямоугольная дыра. Её я закрыл оргстеклом, а позже — текстолитом. Крепления этого «поддона» сделал разъёмными, дабы в случае необходимости отделять верхнюю часть от нижней. Все соединения были надёжно изо-

лированы от внешней среды, что, как оказалось впоследствии, было очень даже не лишним. А для завершения моей операции пришлось подружиться с местным крановщиком дядей Колей, нелюдимым и грубоватым работягой шестидесяти двух лет.

Доспехи были сварены и склёпаны, теперь оставалось подтянуть Клауса к круглой плите и аккуратно разместить в центре. Когда дядя Коля опускал крышку на платформу, я, безусловно нарушая нормы безопасности, стоял в самой её середине (и одновременно в центре мерцающего кокона, чего дядя Коля не мог видеть из своей кабины). Мой невидимый приятель не сопротивлялся, стойчески позволив заточить себя внутри оболочки. Более того, когда крышка встала на место, он аккуратно подстроил контуры своего тела под форму конструкции, даже частично проникнув внутрь металлического слоя. Я уверен, стоило ему захотеть, он мог бы спокойно выплыть наружу, эта преграда вряд ли была способна его удержать. Желая убедиться в том, что всё в порядке, я дал команду дяде Коле, чтобы он ещё раз приподнял и опустил «стакан». Мой невидимый друг оставался на месте, не унёсся во всю прыть, даже не проявил никаких отрицательных эмоций (их я, как мне казалось, научился угадывать по оттенкам его сияния). Так что «костюмчик» ему, похоже, понравился — сидел на нём как влитой. Если бы я почувствовал недовольство своего подопечного, клянусь, тотчас же отказался бы от своей затеи. Возможно, попробовал бы что-нибудь другое. Но получилось всё именно так, как я и планировал. Шалтай-Болтай, закованный в доспехи, отныне представлял собой стационарную лабораторию саму в себе. И я даже не предполагал тогда, какие перспективы открывались передо мной, начиная с этого момента.

Дядя Коля, как всегда невозмутимый, отчалил, а я продолжил работать над новым агрегатом, который всё больше напоминал мне нечто среднее между батискафом и спускаемым аппаратом лунной станции.

Две пары дросселей и пара клистронов по четырём сторонам: как раз между окнами. Под крышей были размещены аккумуляторы — такая оснастка позволяла держать кокон в сетке электромагнитного поля и управлять им, дёргая за ту или иную нить паутины.

«Стреножив жеребца», я продолжал исследование. Всё это было увлекательным и одновременно пугающим до жути. Возможно, подобные эмоции ощущал Жак-Ив Кусто, погружаясь на дно Марианской впадины. Наши путешествия на «Изнанку» возобновлялись всё чаще и чаще.

Мы — с приятелем вдвоём — позволяли себе оставаться в *глубинах нового измерения* всего несколько минут и тут же возвращались обратно. Мне надо было прокачать мои действия до автоматизма, подобно тому, как новичок учится водить автомобиль. В своих первых попытках я был очень осторожным: как только окружающие дома покрывались туманом, и сквозь него начинали проступать контуры призрачного ландшафта, я тотчас давал команду «на возврат». Теперь, когда Клаус был укреплен надёжной бронёй, я решился продвинуться немного дальше прежнего. Так я открыл фазу «Б».

Туман начинал рассеиваться. Пространство из вязкого становилось снова прозрачным и осязаемым. Но это было совсем другое окружение. Прежде картина смутно просматривалась сквозь дымку. Теперь она стала чёткой, вполне различимой и даже какой-то стильной и более промозглой, чем на Земле. Сначала из мутной пелены выступал пустырь, заросший травой, но не той, что росла во дворе моего дома. Даже первый беглый взгляд принёс ощущение инородности. То есть, скорее, я был инородным телом в этом мире. Недалеко от пустыря темнела лесная опушка. Деревья были вполне земными: знакомые мне осины, берёзы. Дальше, перемежаясь, возвышались сосны и ели. Не уверен, но, возможно, я заметил две-три пихты. А вот то, что открылось с противоположной стороны, было действительно необычным и странным.

Там возвышались серые двухэтажные здания с зияющими отверстиями прямоугольной формы — чуть выше человеческого роста — и горизонтальными окнами, напоминающими

прищуренные глаза. Чем-то они были похожи на «волоковые» деревенские окошки. Строения — на первый взгляд — располагались хаотично. Однако стоило присмотреться, и в этом хаосе всё же просматривался явный намёк на упорядоченность или структурность. Было похоже на то, что в этой планировке кто-то пытался зашифровать некий осмысленный текст. Скрытое послание? Кому? Куда? С какой целью?

Этот квартал мог бы напомнить декорации к фильму, но в нём не было свойственной им легкомысленности. В серых коробках была какая-то угрюмая правда. А ещё — тоска и уныние. Они не вызывали ощущения заброшенности. Возникла странная мысль, что эти дома выросли сами по себе и люди (или иные существа) не использовали эти бункеры для того, чтобы в них жить или хотя бы находить временный приют. И мне здесь очень не нравилось. Мой восторг первооткрывателя довольно быстро иссяк, и на смену ему приходило чувство брезгливости. Не подумайте, здесь не было атмосферной «зловещей тишины». Лес, как ему полагалось, шумел от ветра. Время от времени раздавался звук треснувшей ветки, иногда я слышал, как кричала птица. Но эти приземистые дома, эти серые, покрытые пылью стены... И ещё вот что — запах! Воздух был наполнен лёгкими, но вполне ощутимыми ароматами плесени, сырости и гниения.

В постройке, которая располагалась ближе всего, чернел проём, приглашая зайти внутрь. До него было всего каких-то пять-десять метров. Дважды я открывал дверь своего убежища и даже делал первый шаг, ступая на новую почву. Трава пружинила под ногами, словно *подталкивая* к действию. Но я снова и снова отступал под защиту своей маленькой крепости.

А на третий день меня навестили.

Мы лишь немного разминулись с этим субъектом. События развивались следующим образом: затворив железную дверь, я приготовился дать самому себе очередную отповедь за нерешительность, робость и недостойное поведение. В воздухе кабины ещё висел, не успев выветриться, запах влажной гнили. Прошло всего полминуты, я даже не успел приступить к первой обвинительной фразе типа: «Доколе ты будешь, Катилина, испытывать своё собственное терпение, торча здесь, словно прыщ...», как вдруг боковым зрением заметил продолговатую тень. В окне моей будки мелькнул силуэт. Я внезапно пожалел о том, что на моих иллюминаторах не было ни ставней, ни занавесок. И хотя с той стороны меня не могли увидеть (тонируемые стёкла обошлись в немалую сумму), я всё-таки ощущал некоторую беспомощность. И не без основания, как оказалось впоследствии. Меня в тот раз спасло только то, что незнакомец (я ещё толком не разглядел ни его фигуры, ни комплекции — только бледную ткань одежды) вёл себя суетливо и никак не мог сосредоточиться на объекте своего интереса, то есть на мне. Он, похоже, чувствовал моё присутствие, но затруднялся определиться с точным направлением. Я, в свою очередь, не горел желанием изучать и разглядывать это существо. Мне достаточно было кинуть беглый взгляд в его сторону, чтобы убедиться, что дело нечисто. Уже потом, анализируя снимки с камеры, я очень хорошо разглядел внешний облик туземца, довольно экзотический для этой неопрятной местности. Это была женщина средних лет, с блёклым, невыразительным лицом, но при этом одетая в *белоснежное* (на фоне окружающей сырости и грязи) длинное платье с высоким корсажем. В руке она держала кружевной зонтик, рукоятку которого нервно подкручивала. Это представлялось достаточно неожиданным — появление этой особы на краю дикого леса. Более того, мне на какой-то миг показалось, что произошёл сбой: мой транспорт, развернувшись, странным образом оказался в нашем, земном мире, откуда я стартовал полчаса назад. Но такая ситуация выглядела бы ещё глупее. От «Изнанки» я мог бы ожидать чего угодно. Но появления куртуазной леди, упакованной в кружева, среди пошлой уездной слякоти — нет уж, увольте!

Теперь-то я понимаю, что, если бы эта встреча состоялась на открытом пространстве, подобные сомнения даже не возникли бы в моей голове. Не успели бы возникнуть. Психическое состояние человека, находящегося рядом с гипнофором, встраивается в замкнутую систему, в которой на концах отрезка присутствуют лишь двое: хищник со своей приманкой и жертва, опутанная невидимой сетью. Но на этот раз ситуация развивалась не по плану. «Женщина» явно была сбита с толку. Взгляд её беспорядочно метался, и, когда он случайно чиркнул по моему окну, я ощутил смутный толчок, некий эмоциональный порыв, желание пообщаться. На ум пришёл зов Каа: «Идите ко мне, бандерлоги». Я уже протянул руку к двери и вдруг почувствовал явное напряжение в воздухе. Рука будто бы натолкнулась на невидимую преграду. Эта преграда была слабой, зыбкой, но вполне реальной. Мой Клаус впервые дал о себе знать совершенно новым для меня способом. Это было настолько неожиданно, что мой мозг будто протрезвел. Я тряхнул головой, сжал волю в кулак и, отринув последние сомнения, активировал магнетрон, размещённый на обшивке «стакана». В ту же секунду вокруг белой фигуры возник голубоватый ореол. А затем особь внезапно подскочила на полметра, охваченная пламенем. Имитация человеческой фигуры распалась, будто развернулся кусок материи, скрученный в жгут. Эта материя разлетелась лоскутами, оставив силуэт, напоминающий дёргающуюся куклу-марионетку. Но и он продержался недолго, распался пеплом. Огонь погас.

Я опустился на табурет. Меня трясло. Я сделал глубокий вдох-выдох, пытаюсь прийти в себя, но тут же был вынужден схватиться за край стола, потому что пол качнулся, и поляна, судя по виду из окна, стала медленно уплывать вниз. Нет, конечно, она оставалась на месте. Это приподнимался мой железный «стакан». Из последних сил постаравшись взять себя в руки, я медленно-медленно погасил питание магнетронов. Мы аккуратно приземлились — метрах в пяти от того места, где только что свершилось первое в этом мире аутодафе. Выходило, что менее чем за десять минут я сделал сразу два открытия. Открытие номер один: рядом со мной ходят очень странные (и, скорее всего, опасные) твари, способные принимать человеческий облик. И номер два: мой Клаус, как оказалось, способен поднять не только себя, но и дополнительный груз, включая все свои металлические доспехи и меня впридачу.

Записи в журнале:

«Один короткий модулированный импульс (рисунок спектра прилагается) на несущей частоте 500 килогерц — поворот направо. Добавляем обертона (ещё один рисунок) — меняется скорость и радиус поворота»...

«Два коротких по 200 килогерц (схема прилагается) — резкая остановка, переход к плавному скольжению»...

И прочее, прочее...

Мой *пепелац* научился лететь вперёд, сдавать назад, поворачивать, менять высоту. При этом он всегда сохранял вертикальное положение. Максимальный крен, которого я смог от него добиться, — два градуса. Ни «тангажа», ни «рысканья». А впрочем, что мне нужно было? Фигуры высшего пилотажа, «петли» и «бочки»? А может быть, он попросту на это не способен. Ведь не будете вы заставлять верховую лошадь кувыряться и делать сальто. Этого не допускает её природа. Скакать боком, делать колесо, пятиться — это называется цирк. А мне нужна практичность и надёжность. Мы получили возможность путешествовать по «изнаночному миру», не подвергая себя риску нападения.

Я разработал собственный протокол безопасности. Перед тем как покинуть убежище, совершал облёт местности и убеждался, что вокруг нет опасных тварей. И хотя где-то в глубине души я жаждал этой встречи, разумная осторожность всегда одерживала верх. А ведь было так интересно посмотреть, в каком облики они ещё способны предстать передо мной.

И я накликал-таки себе неприятностей. Новая встреча состоялась довольно скоро. На этот раз визитёр не принял устойчивой формы, он на ходу менял свою внешность, вероятно, подстраиваясь под едва уловимые флюиды моего мозга — всё, что он мог распознать, отгороженный стеной двухслойной брони. Это выглядело неприятно и дико — чем-то напоминая персонажа из армянского мультфильма про «Говорящую рыбу». Только было совсем не забавно наблюдать, как вминается внутрь его тела очередная маска, сменяясь новым образом, столь же мимолётным, как и прежний. На какой-то короткий миг он ослабил своё влияние, и я вдруг почувствовал, что всё это время в моём мозгу зудел и вибрировал его зов. Я сжал кулак и ударил по столу, на котором так удачно оказалась пара гвоздей. Боль в руке отвлекла моё внимание. И я со страхом и тревогой обнаружил, что не прикрыл задвижку в вентиляционном канале, который — по счастью — смотрел в противоположную от хищника сторону. Однако этого хватило, чтобы его вибрации (или, может, молекулы химических соединений) достали меня.

Я спалил тварь, не испытывая ни малейшего сожаления.

Второй контакт заставил меня наконец-то осознать, в какой дрянной ситуации я могу очутиться, если не буду предельно осторожным. Здесь условия не допускают вариантов «ой, я что-то забыл или что-то упустил». Любая мелочь может оказаться фатальной, как у аквалангиста, погружающегося в Голубую бездну. Однако экспедиции по зазеркалью следовало про-

должать. Совершая свои облёты, я не был настолько глуп, чтобы бросаться в путь, не проложив обратного маршрута. Не хватало ещё заблудиться. На видео оставались аккуратно записанные передвижения, которые, по окончании короткой экспедиции, я повторял в обратном порядке. В исходной топографической точке мы совершали возврат на Землю, попадая во двор тёткиного дома (с некоторых пор этот дом перешёл в моё полное распоряжение). Вскоре я отважился на попытку обратного перехода в какой-либо новой местности, ориентируясь по карте Невьянского района.

Глупостью было бы полностью полагаться на местный компас — магнитное поле вело себя непредсказуемо: в один день стрелка стояла намертво, показывая уверенный Север, а в другой крутилась волчком, сходя с ума от магнитных бурь. Но здесь нелишней оказалась камера, установленная на днище моего транспорта, она решила все проблемы навигации. Я набросал простенькую программу оптической одометрии: компьютер цеплялся за контрастные пиксели на видео — кочки, ветки, проплешины в траве — и по сдвигу кадра математически высчитывал пройденный вектор. Однако происходил откровенный кавардак. На «Изнанке» я выстраивал маршрут в пять километров к северу, а возвращался на родную Землю, судя по геолокации, в Рязанской области, на какой-то лужайке между двумя холмами. Несколько раз меня выбрасывало в Казахстане близ Кустаная. Впрочем, тем же методом проб и ошибок мне удалось нащупать закономерность. Или лучше сказать, я понял, что некая закономерность здесь просто-таки обязана существовать. Но для полноты картины мне нужно было накопить экспериментальный материал. И в течение нескольких месяцев я пополнял карту местности, составляя «таблицу соответствия». А затем слил всю эту информацию приятелю Олега, специалисту по инфотехнологиям и одновременно заядлому геймеру. Моя легенда основывалась на том, что, мол, некая малоизвестная группа любителей работает над *поразительным, сногшибательным квестом*. И фишкой этого квеста являются две карты, одна из которых идентична земной поверхности, а вот другую они лепят совершенно хаотическим образом... Словом, я обрисовал ему свои реальные, а не виртуальные проблемы. Энтузиазм у парня так и бурлил. Гик работал без сна и отдыха, забросил свои служебные обязанности, отчего институт простаивал и терпел убытки. Мне кажется, что будь эта задача описанием вымышленного, фантазийного мира, не произошло бы у парня такого глубокого погружения в работу. У меня даже возникала шальная мысль — устроить этому подвижнику поощрительную экскурсию на «ту сторону». Но всё-таки я решил не делать этого и, как позже оказалось, этим избавил человека от серьёзных неприятностей.

Моя информационная база тем временем продолжала обновляться, чему парень был несказанно рад. Он исследовал «Изнанку» вместе со мной и даже не догадывался об этом. Неисчерпаемое море игровой индустрии сыграло мне на руку. Мне даже не надо было задумываться о конспирации. Я полагаю, что если бы мне пришлось разрабатывать некий план дерзкого ограбления, я бы спокойно мог поручить ему эту задачу, представив это дело как очередную «стрелялку-бродилку» или «стратегию», которая нуждается в доработке.

Вопреки моему мнению о том, что топография «изнаночной стороны» никак не была привязана к земной, этот умник откопал-таки некую закономерность, что завершилось составлением практически полной «карты соответствий». Теперь, возвращаясь, я уже не выныривал где попало, хотя и продолжал делать переходы с осторожностью и без спешки. Мне важно было знать не только, где я в итоге окажусь, но и в каком окружении. Возврат с «Изнанки» поддавался контролю гораздо успешнее, чем переход на ту сторону. Было похоже на то, что «та сторона» каким-то образом вырывала, вытягивала меня (точнее, нас с Клаусом), будто натянутый упругий жгут, а обратно отпускала с некоторой неохотой, размеренно и медленно — будто тикали часы в определённом ритме. Таким образом, получалось, что я мог оставаться между фазами «Б» и «А» неограниченное время. И когда очертания родного пейзажа начинали проступать из окружающего тумана, я пытался найти ориентиры для того, чтобы определиться по

карте, если это было возможно, отметить точку выхода, вероятное присутствие людей (свидетели мне были не нужны), и только после этого заканчивал процедуру.

Если меня не устраивала среда — например, я должен был выйти наружу посреди города или на территории какой-нибудь фабрики, — то мигом возвращался обратно на «Изнанку», это можно было сделать. Ещё я обратил внимание, что перехода не происходит, к примеру, внутри помещения или в густой чаще деревьев. В таком случае туман становился темнее, но не проявлялись контуры окружающей обстановки. Он, словно резиновая стена, выталкивал меня обратно. В итоге мне удалось отметить пункты, где можно было спокойно возвращаться в наш мир, не опасаясь постороннего взгляда.

И ещё кое-что интересное я для себя отметил. Попадая под действие магнетронного излучения, мой кокон способен проявлять активность, которой я от него ранее не ожидал. Он словно окунался в свою стихию. Это походило на то, как вёл бы себя морской котик, который долгое время обитал на берегу и наконец-то дорвался до воды.

Всё же случайных свидетелей миновать нам не удалось. Однажды я вынырнул из небытия — как это часто бывало — на лесной поляне (Клаус просто обожал подобные места, к ельникам, березнякам, дубравам у него было особенно тёплое отношение), и вдруг заметил у опушки человека в плаще и шляпе. Честно говоря, сначала я потерялся, где, чёрт возьми, мы вынырнули. Это что — «та сторона» и новая тварь? Но нет, это был вполне земной «собираатель даров природы», которого совершенно не интересовало ничего, кроме предмета его поисков. При нём была корзина белых грибов и подосиновиков разного калибра. Он тыкал палкой в кочки, трухлявые пни, внимательно всматривался в траву. И тут я с удивлением обнаружил, что моё появление *из ниоткуда* он воспринимает практически без эмоций. Было очевидно, что это обстоятельство ничуть его не беспокоит, будто для него железная будка посреди чащи — естественная деталь пейзажа. И с другими свидетелями позже происходило то же самое. Они огибали, не выказывая ни испуга, ни удивления, железный купол, даже если тот не вписывался в пейзаж. Более того, они сторонились его, отворачивались, упорно стараясь не замечать. Вели себя так, будто в их мире эта металлическая башенка стояла здесь уже с незапамятных времён, и они давно привыкли к ней. Привыкли, но отчего-то старались держаться подальше.

Глава 4. Продолжение флэшбэка

В течение трёх месяцев я регулярно навещался на «ту сторону» и даже, соблюдая разумную осторожность, ввозил домой некоторый «хабар»: куски металла, какие-то трубки, осколки — всё то, что удалось собрать в серых развалинах, — и сбывал его через уже упомянутого Олега по институтским каналам. Делать это надо было аккуратно, потому что, к моему удивлению, некоторые изделия содержали редкоземельные металлы. Неплохой доход я с этого имел и постоянно пополнял свою лабораторию более продвинутым оборудованием. Однако мои денежные дела резко пошли в гору после того, как товаром внезапно заинтересовалась серьёзная полукриминальная группа, торгующая «редкой землёй».

Здесь кстати подоспела и карта, составленная давешним геймером. Он торжественно передал её мне по почте, мы обменялись любезностями в *Скайпе* и распрощались, довольные друг другом. Впрочем, его контакты я удалять не стал. На всякий случай.

Оказалось, что теперь мне по силам пересекать государственную границу Казахстана без лишних формальностей и процедур. После не слишком продолжительного перелёта я выныривал на территории Кустанайской области, где было удобно проводить товарно-денежный обмен. Предприятие было рискованным, но мои контрагенты быстро сообразили, что я для них весьма выгодный поставщик: лишаться золотой жилы они не собирались.

И вот что ещё я обнаружил в зазеркалье: дикий, путаный, очень сильный электромагнитный фон, совершенно непохожий на земной. Был он нестабилен: скачки, всполохи и длительные передышки между ними. Здесь речи не было об искусственных источниках, передатчиках и прочих технологических феноменах. Но если бы я попытался создать пространственно-временную картинку этих скачущих ЭМИ, то получился бы уродливый клубок, весь состоящий из узлов и петель — будто бы котёнок поиграл с мотком шерсти. Сильнее всего меня озадачили некие особо острые всплески в эфире, которые случались примерно раз в неделю, и мне очень хотелось докопаться до причин этих аномалий. Вскоре мне представилась такая возможность: всплеск произошёл на расстоянии каких-то восьми километров от меня. Сигнал держался достаточно долго, так что направление определить было нетрудно. Мы с Клаусом стартовали немедленно — курсом на юго-восток. Условный местный «юго-восток», разумеется. На компас не было надежды, поэтому приходилось лететь по карте, примеряясь к чужой географии.

Поддерживаемый магнетроновой «подушкой», на небольшой высоте плавно скользил мой летучий корабль. Ощущение было подобно тому, какое возникает при движении автомобиля на хорошей дороге: кажется, что ничего не происходит, однако ты видишь, как стремительно несётся на тебя, обегает по сторонам и устремляется назад окружающая местность.

Сигнал усилился и внезапно пропал, но до точки, откуда он ранее исходил, оставалось всего ничего. Мы летели быстро, насколько это было возможно. И всё равно опоздали.

Это была новая встреча с образцом местной фауны. И в этот раз я наконец-то смог оценить тварь в полной её разнузданности и упоении удачной охотой. У меня была сильная оптика, и она позволила наблюдать весь этот спектакль ещё на подлёте. Изображение пришлось подстраивать на ходу: расстояние между нами сокращалось.

На поляне кружили вокруг невидимого центра две фигуры, исполняя странный танец. Или это был не танец? Скользящие, размеренные приставные шаги, перемежающиеся круговыми оборотами на некотором расстоянии друг от друга. Одежда на них была практически одинаковой: скромный, но опрятный деловой костюм, галстук, туфли. Вот только одна пара туфель сияла безупречной чистотой, а другая была покрыта слоем грязи. Это неудивительно — поляна, где происходило действие, представляла собой слякотную почву, кое-где *облагоро-*

женщину скудными островками серо-зелёной травы. Один персонаж был худой и долговязый и, как мне показалось, достаточно молодой. Другой — средних лет, низкорослый и полноватый.

Я увидел, что рты обоих танцоров широко открыты. Они должны были истошно кричать, но над поляной стояла тишина. До меня дошёл бы любой звук снаружи, потому что работал внешний микрофон. Но звуков не было.

Тот, что был постарше, в неопрятной обуви, широко (слишком широко для нормального человека) раскрыл рот и захрипел. Из рта вылетел клочок пены и застрял на подбородке. Затем он, крутанувшись, завалился на бок и задёргался, будто в эпилептическом припадке. Его партнёр, словно бы ничего не замечая, продолжал движение, расширяя круги. Моя летающая ступа уже приблизилась практически вплотную, и я завис чуть в стороне от этого зверского танцпола, наблюдая картину в боковое окно и лихорадочно соображая, как мне поступить. Никакого плана действий у меня не было, мысли путались, цепляясь одна за другую. Тем временем тот, кто лежал на земле, распахнул свой рот ещё шире. Обычному человеку такой зевок был бы недоступен. Челюсть словно отделялась от черепа. Я, казалось, расслышал хруст костей и связок. Бедняга дёрнулся ещё дважды и замер. Стало ясно, что помочь ему уже нельзя.

Ругая себя за бесполезность и бессилие, я повёл свою машину по дуге так, чтобы пролететь аккуратно над головой второго участника кровавого *pas de deux*, и он обратил-таки на меня внимание. Но сделал это слишком поздно. Человекоподобная тварь, виляя и подпрыгивая, устремила к лесу, а я преследовал её с воздуха, снизившись до трёхметровой высоты. Попав в зону действия магнетрона, она вспыхнула, словно факел. Раздался визг, напоминающий звук тормозов. Теперь подо мной был уже явно не *homo* и даже не примат. Существо на глазах меняло форму, выбрасывало дополнительные конечности (и где оно только их прятало?), подлетало вверх на полтора-два метра... Внезапно наступила тишина.

Я приземлил свою тумбу, открыл дверь и бросился к человеку, лежащему на земле. К моему удивлению, он был ещё жив. Но — по понятным причинам — не мог произнести ни слова. Всмотревшись в его глаза, я поразился, какая странная смесь эмоций отражалась в них. Это было беспредельное счастье, смешанное с мучительной болью. Из его горла раздавались хрипы. Но было такое ощущение, что он пытается петь. Это продолжалось всего пару минут — он в последний раз дёрнулся и затих окончательно. Я отправился за лопатой. Мне надо было отдать несчастному последний долг.

Когда до двери моей *будки* оставалось всего два шага, я почувствовал мерное движение за спиной, резко обернулся на ходу и всмотрелся в просвет между деревьями. Там маячили мутные силуэты. Новые посетители? На поляну выходили существа, похожие на вертикально стоящих червей. Правда, у червей этих были круглые опущенные головы и свисающие до земли руки. Их очертания напоминали человеческие фигуры, но это сходство было очень условным. Эти создания брели, едва переставляя конечности. Они колыхались при ходьбе и что-то бормотали себе под нос. Я, внезапно опомнившись, в два прыжка влетел под *защиту брони*.

Уже ближе к вечеру, просматривая запись, я поражался, насколько неправильными, извращёнными казались эти твари в сравнении даже с самыми экзотическими животными моей планеты. Среди земных существ попадались персонажи страшные, отталкивающие, пугающие: рыба-капля, доисторическая акула *дунклеостей*, летучие мыши всех видов и разновидностей — но и они воспринимались как часть *природы*. Злая, жестокая, уродливая, но всё же её часть. А в местных обитателях была глубокая чужеродность: что-то предельно гнусное и противоречащее естеству.

На экране я разглядел, как бледные создания окружили лежащее на траве тело, уселись вокруг и принялись раскачиваться, будто в трансе. Сначала всё происходило в полном молчании. Но спустя несколько минут они запели. В их руках появились чёрные (каменные — по виду обсидиановые) ножи, которые до этого они скрывали в складках своей кожи. Демоны принялись кромсать плоть, ещё не успевшую остыть после отвратительной экзекуции.

В тот раз я сжёг их всех. Вместе с останками несчастной жертвы.

Глава 5. Сам себе квартирьер

Мои «экспедиции в преисподнюю» были подчинены жёсткому режиму. На родной стороне меня волновали только две темы: я распродал через моего приятеля перемещённый хабар и собирал, свозил в тёткин дом вещи, стройматериалы, инструмент — всё, что мне было нужно для обустройства «там». Я решил, что некое подобие резиденции или фактории мне не помешает. В Сибири такие опорные пункты называли острогами. На Диком Западе — фортами или асиендами. Ну вот, пусть и у меня будет такая маленькая, но надёжная крепость во враждебном окружении.

Представляю недоумение людей, которые вознамерились бы проследить за приходом-расходом товаров, пропадающих на территории тёткиного дома. Туда ушло столько всего, что попросту не смогло бы поместиться на ста пятидесяти квадратных метрах двухэтажной усадьбы — поток материальных ценностей словно бы проваливался в чёрную дыру. Впрочем, в каком-то смысле так оно и было.

За всеми работами по организации *острога* я как-то начал забывать о кровавом спектакле, который разыгрался на давешней поляне. Но через пару недель мне снова пришлось принять участие в спасательной операции. И на этот раз я не опоздал. Никакая человекообразная тварь ещё не успела добраться до бедолаги. На борт был принят совершенно ошеломлённый и сбитый с толку белобрысый парень двадцати пяти лет, в белой футболке с надписью «Амкар». Я забрасывал страдальца вопросами, одновременно отдавая команды своему агрегату, направляя его по обратному маршруту — на Землю, через фазы «Б» и «А»...

Смерть моего пассажира была мгновенной. Он мешком грохнулся на затоптанный пол моего батискафа. Человек даже не успел сообразить, что умер. Я пять секунд отупело смотрел на неподвижную фигуру, затем вернулся на то место, где подобрал его, и, перебросив Клауса на десять километров к северу, подверг труп кремации на берегу безымянного озера. Только теперь я понял, что положение вырисовывается паскудное.

С другой стороны, я не обязан ломать себе психику и надрываться, пытаюсь спасти всех и каждого. Мне вдруг пришла в голову мысль, что подобным образом ведут себя линейные врачи. Без умеренного цинизма им не выжить. В больничном коридоре сидят пациенты с острой болью, кишечными коликами — но законное время для чаепития никто не отменял.

Как бы то ни было, раз в две-три недели я ловил знакомый сигнал и мчался на зов — иногда успевал вовремя, порой выхватывая людей буквально из-под носа хищника, но чаще всего предсказуемо опаздывая. Но куда же девать спасённых? Потребность в убежище теперь стала неоспоримой.

В «Зазеркалье» было много однотипных серых зданий на разных стадиях распада, однако мне нужно было строение, расположенное подальше от тех мест, где появлялись проклятые оборотни. И ещё в список непеременимых требований входили: стены без дырок, вход двухметровой ширины, отверстие на крыше. Подходящий экземпляр вскоре нашёлся. Все материалы для отделки: фурнитуру, двери, обшивку стен — я принялся без проволочек завозить из нашего мира. Мой план грозил застопориться на бесконечных отделочных работах. Но вскоре у меня нашлись-таки помощники. Я, разумеется, говорю о тех горемыках, которых мне удалось перехватить до их фатальной встречи с гипнофорами. Первым постояльцем нового общежития стал пожилой господин интеллигентного вида, которого я принял на борт через десять дней после трагического случая с футболистом. Этот мигрант вёл себя даже спокойней, чем первый — будто всё происходило не с ним. Разговор не поддерживал, хотя я сначала пытался задавать ему элементарные вопросы. Единственное, что мне удалось выяснить: пожилого интеллигента звали Геннадий и работал он в химической лаборатории какого-то комбината.

Вторым «туристом» оказалась женщина *средних лет*. В приличном деловом костюме, со слегка сбитой причёской. Эту я вытащил буквально из-под удара. Что-то человекоподобное вроде бы мелькнуло в редколесье, окружающем поляну, когда мы уже легли на обратный курс. Но я не стал задерживаться для того, чтобы казнить предполагаемого хищника. Спасённую гражданку надо было срочно эвакуировать. Прилетев, я скинул её на молчаливого Геннадия, тут же обратившись к неотложной работе. Смотреть на то, как эти двое несчастных сидят на диванчике, уставившись параллельными взглядами в пыльную стену, у меня не было ни желания, ни времени.

Никого из представителей местной жуткой фауны мой домик, находившийся посреди небольшого островка редкой лиственной рощи, не привлекал. И это было странно. Я, конечно, допускал, что у хищников есть определённый ареал обитания, что в моём районе им делать было нечего. Но неужели они не чувствуют — как бы это назвать — биополе тепла человеческих тел? Ну ладно — биополе. Но почему они не ведутся на запах, по которому можно найти столь желанный для них кусок плоти? Или мне просто пока везло, и возможная встреча с ними была лишь отсрочена?

В первый же день я хорошенько изучил постройку, которая мне приглянулась.

Нижний этаж представлял собой один большой зал со стеной-перегородкой посередине (позже я убедился, что это — стандартная деталь в планировке). В её центре зияла круглая дыра метрового диаметра. В том здании, которое я выбрал для своей резиденции, стена эта была в относительной сохранности. В других — находилась на разных стадиях разрушения. Я, не мучая себя сомнениями, разбил хлипкую стену, дабы расширить помещение. Лестница, ведущая на верхнюю площадку и державшаяся на честном слове, мне тоже была не нужна — дружными усилиями (я всё-таки смог привлечь горе-туристов к полезному делу) мы сломали и её. Для спуска-подъёма нам вполне хватало моего безотказного лифта по имени Клаус. Но оставалась в запасе и верёвочная лестница — на крайний случай. Все уголки я тщательно обследовал на предмет радиации и отравляющих веществ. Я даже оставил на несколько дней в клетке пойманную местную крысу и потом ещё кролика. Но когда апартаменты стали заселяться людьми, необходимость в таких экспериментах отпала сама собой. Что может быть лучше подопытного кролика? Только подопытный «*хомо сапиенс*». Впрочем, перебросив на Землю кролика и крысу (как и следовало ожидать, по дороге они мирно скончались), я отдал тушки в лабораторию.

Меня не переставал терзать вопрос: почему я пользуюсь особой привилегией, пересекая границу между мирами, почему во всех этих переходах туда-сюда остаюсь живым и здоровым. Ответ напрашивался сам собой: мой невидимый облачный друг берёт меня от гибели, и он же напрочь отказывался сохранять жизнь всем остальным существам.

И ещё одна мысль свербила мне мозг. Хищники не бродили толпами по этому миру. При самом пристальном изучении местности я так и не смог обнаружить их свободного перемещения. Может, они хорошо маскировались, может, впадали в спячку где-то в своих норах, но сталкивались мы с ними только в том месте и в то время, где на «изнаночную сторону» вываливался очередной пленник. Гипнофор будто наперёд знал, где следует искать новую жертву, так что я — со своим быстроходным транспортом — оказывался на месте практически наравне с ним, а бывало, что и опаздывал. Значит, они готовятся к встрече заранее. Всё это требовало серьёзного размышления, а у меня забот и без того было хоть отбавляй.

Следующая неделя выдалась хлопотной и отняла у меня всё моё время и все мои силы. Я разместил первых спасённых с тем минимальным удобством, который мог наспех организовать в найденной постройке. В первые дни обстановка была спартанской: два лежачка и спальник. Но насколько же быстро здание наполнилось предметами цивилизации! Не такая простая задача — организовать сносное подобие земного окружения. Все мелочи, которые не замечаешь, пока они есть — они ведь и создают минимальный комфорт, без которого жизнь

превращается в тоскливое выживание. Абсурдность нашего быта порой сбивала с толку: под мертвыми, серыми сводами инородного «палаццо» мерно гудели аккумуляторы, подпитывая гирлянду тёплых лампочек, а аромат моего кофе странным образом смешивался с местным, вечно висящим в воздухе озоновым духом пустоши. Мои контуженые постояльцы — в нерабочее время — сидели на новеньких складных стульях из строительного гипермаркета, уставившись в пыльную стену. Верный Клаус, скрытый в недрах металлической оболочки, трудился без отдыха по пять-десять перемещений в день, так что, похоже, начал перегреваться. А спасённые продолжали тревожить меня своим апатичным поведением, напоминая нечто среднее между сомнамбулами и зомби, что нельзя было списать на обычную психотравму. И хорошо, что мне удалось загрузить их работой. То была рутинная механическая деятельность, в достаточной мере изматывающая. Можно даже сказать, на грани изнеможения. И она чудесным образом вернула их к жизни. Когда число переселенцев достигло трёх человек (третьим оказался ещё один молодой парень, похожий на давешнего футболиста, только бритый налысо), мой дом уже мог похвастаться некоторым комфортом. Впрочем, это было скорее некоторое подобие тюрьмы. Ни о каком свободном перемещении по местности не могло быть и речи.

Так прошло почти четыре месяца, и я понял в какой-то момент, что больше нельзя держать людей взаперти. Мы стали выбираться в леса, к берегу озера, на остров, который мне приглянулся за время немногочисленных исследовательских полётов. Я регулярно проверял запись видеокamer, размещённых в окрестностях, надеясь увидеть гипнофоров в их естественном облики — а не в тот момент, когда они, готовясь к нападению, надевают маску. Память мою не покидало существо, в которое превратился фальшивый клерк, попавший под удар моего огнемёта. И два раза запись действительно показала что-то подобное: удлинённые силуэты, пробирающиеся между деревьями. Они двигались на удивление изящно и плавно. Рост этих созданий не превышал двух метров, и они напоминали что-то среднее между богомолами и хвостатыми ящерами. В любом случае это были особи, отличающиеся от земных. А вот привычные для меня животные формы отмечались постоянно: лисы, кабанчики, зайцы. Не говоря уже о более мелких представителях фауны. Один раз в объектив попал довольно крупный экземпляр волка. Походило на то, что обычные пищевые цепочки в этом биоценозе существовали параллельно с теми, что пугали меня, вызывая ощущение явной чужеродности. Гипнофоры казались настолько же неподходящим к этому миру видом, насколько он был бы неуместным и на Земле.

Одно записывающее устройство я отвёз на ту самую поляну, где разыгрывалась брутальная сцена — с огнём в финале. Выгоревшее пятно располагалось там, где в прошлый раз я преврал кровавый пир. Силуэты двух тел: человеческого и чужого — проступали сквозь пепельную кляксу обгоревшей травы. Меня удивило, что останков прочих участников действия, тех самых, с обсидиановыми ножами, не сохранилось. Было ощущение, что они мне попросту привиделись. Испарились, что ли? И ещё — на месте пожарища смутно просвечивал некий новый отпечаток, похожий на след ботинка. Я точно помню, что после кремации не спускался на поверхность, сразу же покинув это место. Вероятно, какой-нибудь очередной бедолага оказался здесь и погиб, а я даже не знал об этом!

Я поставил камеру, закрепив её на развилке дерева между ветками, пообещав себе вернуться как можно скорее.

Мои подопечные, а их было уже пятеро (к мужчине и женщине добавился ещё парень двадцати пяти лет и семейная пара интеллигентного вида), понемногу возвращались к жизни. Поняв и приняв своё положение, они осознали, что у них нет иного выхода, кроме как обустроиться на новом месте и помогать мне и друг другу. Двое мужчин имели дело со строительными работами. Тот, кто постарше, в молодые годы даже профессионально штукатурил. Мы смогли наладить подобие канализации, выведя наружу трубы стоков. На фоне ежедневного рутинного труда у меня притупился страх перед возможной опасностью. В любом случае без капитальных монтажных работ нам было не обойтись. Насчёт отопления я не беспокоился — погода здесь была достаточно умеренная. Но что будет дальше? Возможно, здесь тоже лютуют морозы за тридцать. Надо готовиться к худшему, как учит житейская мудрость. Нижний уровень нужно было перестраивать полностью: я задумал организовать гараж для вездехода. Его узлы и секции, густо пахнущие земной заводской смазкой и резиной, складировались прямо в зале. Тащить сюда обычную заводскую машину было бы безумием, поэтому на появившиеся деньги я заказал у знакомых умельцев модульный багги на трубчатой раме. Всё было спроектировано так, чтобы я мог перевезти машину по частям и собрать на месте одними лишь гаечными ключами, подобно игрушке из конструктора *Lego*. Установив в одной из комнат телемониторы, мы организовали дежурство, и дневальный постоянно следил за окружающей обстановкой. Мои сотоварищи покорно выслушивали инструкцию, но меня одолевали некоторые сомнения насчёт того, что их инициативы хватит на то, чтобы нажать тревожную кнопку, когда возникнет угроза. Было бы ошибкой отрицать, что они утратили какой-то внутренний стержень. И я не мог понять: удалённый контакт с гипнофором был тому виной (нельзя же отрицать, что хищник шёл туда, где его ждала встреча с жертвой, а значит, какой-то мен-

тальный контакт у них был), или на них подействовала сама переброска, пересечение барьера между мирами. Попаданцы прилежно выполняли приказы, поддерживали несложный разговор. Но они не вступали в диалог, ничем не интересовались. Была ли это простая депрессия — не знаю. Их словно бы окутывало ватное облако, через которое не пробивалось большинство эмоций ни с моей, ни с их стороны.

Я пытался выяснить кое-что из их прежней жизни. Конечно, всё это наспех, кратко, без лишних подробностей — на большее попросту не хватало времени. И в любом случае мне необходимо было провести расследование там, откуда эти несчастные были выдернуты, но и на это времени не было. Уверен, что — обратись я к прессе и интернету у себя на Земле — увидел бы своих новых знакомых в разделах «Пропал без вести» и «Разыскивается».

Всё это прервалось самым неожиданным образом, когда я ещё раз вернулся на ту самую поляну, где установил видеокамеру. Я хорошо помнил, что надёжно закрепил её в развилке берёзы так, что ни свалиться, ни попасть в лапы какой-нибудь случайной белки она не могла.

Прилетев на место, я не обнаружил устройства. Зато на мшистом стволе дерева красовалась вырезанная ножом стрела. Она указывала на запад.

Глава 6. Выжившие в Исподе

И всё же я не рванул тотчас же в направлении, указанном стрелой. Надо было всё обдумать. Я долго рассматривал изображение знака, выведя его на монитор, — и размышлял. Фигура была вырезана со старанием и умением — явно разумным существом. К тому же здесь был использован инструмент, а не когти или, скажем, зубы. Гипнофоры, насколько я мог судить, подобным умением не обладали. Но вот долговязые пожиратели трупов носили при себе чёрные каменные ножи. И их участие в этом деле было более вероятным. Допустим, они обрезали крепление, забрали камеру и оставили эту стрелу. Какова их цель? Выманить того, кто представлял для них опасность? В таком случае, насколько я буду уязвим? Я не смогу сделать ничего толкового, оставаясь под защитой своего батискафа. Мне придётся покинуть железный рудут и выйти наружу. Не будет ли меня там поджидать хищник, готовый к расправе? Я решил не торопиться: возможно, будущие события прояснят ситуацию.

Ближе к вечеру я включил ноутбук, открыл файл, наполненный звуками дождя, и прилёг отдохнуть. Искусственный дождь убаюкивал меня надёжнее всякой колыбельной. А мне надо было расслабиться. Новых мигрантов не было уже две с половиной недели. Эта пауза в череде событий напрягала гораздо больше, чем можно было предполагать. И я испытал облегчение, когда внезапный сигнал с характерной модуляцией — словно протяжная сирена «иииу-ииу-ииииу» — сбросил меня с кровати. Я дал отмашку дежурному и, быстро одевшись, взбежал по лестнице в кабину аппарата.

Мой Клаус нёсся по курсу «зюйд-ост», направляясь почти туда, где находилась *та самая поляна*, и всё-таки немного южнее. Каждый раз, готовясь к встрече с «попаданцем», я прорабатывал возможные сценарии. Мне три раза (всего лишь три!) удалось наткнуться на хищника-гипнофора вживую: в первый раз — в роли жертвы, потом — в роли постороннего свидетеля и ещё раз — в роли спасителя, выхватив человека фактически из-под носа демона. Я давно определился с протоколом встречи. Если начался контакт и гипнофор уже приступил к своей адской процедуре — не пытаться вмешиваться. Выйти на открытый простор означало — самому подставиться под удар. А я хорошо помнил отголоски зудящих вихрей в моей голове, когда «барышня в кружевах» крутилась около моего батискафа. Не хотелось бы испытать вновь это ощущение, когда хватают пальцами извилины твоего мозга, перетирают его в щепоти и катают, как фрикадельку.

На этот раз я летел достаточно низко, сверяясь по карте, поскольку это место уже было мной разведано ранее. Впереди должна была показаться излучина реки. Здесь русло делало сильный изгиб, так что часть суши была почти что островом, отделённым узким перешейком от остальной территории. Перешеек перегораживала стена из колючего кустарника. С высоты моего положения я разглядел две фигуры и понял, что опоздал. На этот раз обошлось без бальных танцев. Человек, в котором я мгновенно определил жертву, дёргаными хаотическими движениями пытался сбросить с себя одежду и уже частично преуспел в этом. Напротив него — спиной ко мне — стояла женщина, изящно положив руку на бедро и отставив ногу в чёрном сапоге. На ней была надета майка, подчёркивающая все прелести её фальшивого тела. Я разглядывал их в бинокль, мысли бешено проносились в голове. Я прикидывал возможные варианты. Мне, наверное, надо было приземлиться чуть подальше и воспользоваться своим стволом (под столешницей у меня лежал карабин, приобретённый с месяц назад специально для такого случая). Но рельеф здесь был крайне неудачным. Окружающая возвышенность создавала нечто вроде чаши, за краями которой была заболоченная низина — луг, покрытый хлябью. Я не мог приземлиться без риска увязнуть в этой топи. А попытка подобраться ближе означала неминуемую опасность. Не хватало мне ещё «танго втроём» — с участием двух *homosapiens* и одного ксеноморфа.

Однако пассивным наблюдателем я тоже оставаться не хотел, поэтому, надеясь хотя бы отпугнуть гада, направил свой «пепелац» по дуге, стараясь захватить мишень краем двигателя. Но тут произошло нечто странное и неожиданное: раздался треск выстрела, и через мгновение голова гипнофора разлетелась во все стороны кровавыми ошмётками — будто арбуз взорвали. Спустя две секунды из-за кустов поднялся человек и, перешагнув через стену колючек, махнул мне рукой, а сам направился к жертве, которая уже обессиленно валилась на траву рыхлым кулём. В руках у стрелка было оружие такого грубого и дикого вида, что и вообразить было невозможно.

Это был явно не долговязый трупоед. И уж, во всяком случае, не гипнофор. Не скажу, что я ощутил прилив восторга и счастья, скорее — недоумение. Но всё же посадил корабль и, открыв дверь, принялся наблюдать за действиями незнакомца.

А он, подойдя к обмякшему телу, перевернул его и кивнул с удовлетворённым видом. Затем пару раз хлестнул ладонью по щекам бедняги и, когда тот застонал, приподнял его и, обхватив под мышки, посадил на траву. Этим, собственно говоря, завершилась его забота по отношению к спасённому. И тогда уж он повернулся ко мне и ещё раз махнул рукой приглашающим жестом. Косматая его голова походила на болотную кочку. И была она серого цвета (позже я узнал, что волосы здесь выгорают на солнце таким вот особенным образом), что причудливо гармонировало с его пыльной одеждой.

Видя, что я не спешу покидать свой уютный салон, этот парень закинул ружьё за спину и двинулся к «пепелацу», а мне не оставалось ничего другого, как выйти из будки и сделать шаг ему навстречу.

Впрочем, в руках я держал карабин — для пущей уверенности. Он, заметив это, изобразил кривую усмешку. Затем развёл руки, показав, что не собирается причинять мне вреда, и протянул мне грязную, бугристую ладонь...

Через три дня я, испытав огромное облегчение, сбросил с плеч обузу в виде пятерых нахлебников. Однако быстро пришло чёткое понимание, что спокойной жизни, начиная с этого момента, мне не видать. Любопытство исследователя и первооткрывателя скромно отошло в сторонку, уступив место рутинным обязанностям завхоза и перевозчика. Началась бесконечно долгая, утомительная операция по снабжению пяти поселений и шести отдельных заимок, составлявших колонию «перемещённых лиц». Не по своему желанию перемещённых, а заброшенных сюда чьей-то безжалостной волей.

Глава 7. Маленькая мерзость

Я не успел рассказать всё это своему новому постояльцу по имени Юра, потому что уже на пятой минуте моей истории он сопел, уткнувшись носом в подушку, изредка вздрагивая во сне. Увидев, что от него — как от слушателя — толку больше не дождёшься, я прошёл к ближайшей гостевой комнате, отпер дверь, вернулся и перенёс мальчика в кровать. Накрыл одеялом. А вернувшись в кабинет, надел перчатки, взял чёрную коробочку и аккуратно достал из неё медальон.

— Сейчас посмотрим, что тут у тебя внутри, — сказал я, захватывая побрякушку пинцетом. Затем очень осторожно, стараясь не менять ориентацию относительно плоскости горизонта, закрепил медальон в штативе и подтянул винтом на полметра вверх. Предположительно, действие этих штук было одноразовым, но я не хотел рисковать. Проверить же эту версию можно было только на практике, а мне не улыбалось становиться подопытным кроликом. У меня были другие планы.

Диктофон работает... Детекторы электромагнитных и звуковых волн настроены. Даю машинке команду изменить наклон рабочей плоскости. Лапа штатива принимается медленно поворачивать объект относительно горизонтальной оси.

Индикатор ЭМИ показал довольно ощутимый скачок на дециметровой и сантиметровой отметке. Застрекотал счётчик Гейгера, реагируя на бета-излучение. Я замедлил угловую скорость зажима. Показатели заметно снизились.

— Так я и думал, — произнёс я вслух, — главный параметр — это скорость изменения положения в пространстве. Похоже на электромагнитную индукцию. Переверни эту хреновину чуть быстрее, и тебя унесёт в Тридевятое Царство. А вот мы будем действовать плавно, по принципу Тай-цзи. Однако полностью завершить манёвр я всё-таки не решился. Если эта штука не разрядилась полностью после того, что натворила, меня мог ждать неприятный сюрприз. И даже представить себе не могу, куда меня могло забросить в таком случае. Может, обратно на Землю, а может быть, куда-нибудь ещё. Было бы куда.

Итак, я оставил зловерное изделие в той позиции, в какой оно находилось первоначально. Мои приборы фиксировали только фоновый шум.

Я снова взял пинцет и сварочный аппаратик. Скорее всего, бронза — это такая же маскировка, как, например, жестяной стакан моего «коккона». И действительно, очень быстро на тыльной стороне обнаружился сварной шов, который без труда поддался.

Я подковырнул крышку и открыл внутреннюю камеру медальона.

Тонкий лепесток изящной формы, похожий на инфузорию-туфельку цвета морской волны, лежал на тёмно-фиолетовой бархатистой подкладке (точно такая же подкладка, как я заметил, покрывала и изнанку крышки). От него пахло жизнью. Я не мог объяснить свои ощущения. Он будто бы дышал, хотя и пребывал в полной неподвижности. Вот только на нём были лиловые пятна, напоминающие плесень. Они придавали странному созданию несколько болезненный вид.

Но живой или не живой, больной или здоровый — он-то и представлял собой настоящую опасность.

Я подвинул линзу, чтобы лучше разглядеть свою находку. Но внезапно, оторвавшись от своего ложа, туфелька медленно поплыла вверх.

— Нет, моя душа-девица, не покидай меня так скоро! — вежливо попросил я. Осторожно перехватил «лети-лети-лепесток» пинцетом и распластал на предметном стекле, прикрыв сверху другим стеклом.

— Положу-ка я тебя для начала в холодильник, — решительно заявил я, открывая морозильную камеру, в которой можно было создавать температуру около ста градусов по Кельвину, — а там посмотрим, что с тобой делать. Надо бы тебя свозить на Землю, но выдержишь ли ты очередной перелёт? Рисковать не будем.

Я захлопнул дверцу рефрижератора. Постоял, размышляя о дальнейших планах. Мне уже в который раз подумалось: кто-то ведь ходит по нашей планете, раскладывая тут и там всю эту гадость, перемещая сюда всё новых и новых землян — как пищу, как деликатес для местных обитателей. Как много бы я отдал, чтобы найти этого «сеятеля»! Может, их целая группа работает? Мне нужны — ой как нужны помощники там, на Земле. Не те, которых я обманом, деньгами и всякого рода легендами завлекаю в свои авантюры. А настоящие сообщники: те, перед кем я мог бы раскрыть все карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.